

**МАНУ.
ТЕМНЫЕ
ВРЕМЕНА**

Ирина Миронова

Ирина Миронова
Ману. Темные времена

«Издательские решения»

Миронова И.

Ману. Темные времена / И. Миронова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-674885-9

Ману — изгой в мире, где у каждого человека видна аура, определяющая его характер и судьбу, ведь её аура — черная. На таких, как она, ведется охота: их боятся и желают одновременно. После убийства её друга, обладавшего черной аурой, она решает узнать правду о его гибели. Распутывая цепочку загадочных убийств и исчезновений, героиня становится не только охотником, но и жертвой в опасной игре, где ставки — жизнь и любовь.

ISBN 978-5-00-674885-9

© Миронова И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	12
Глава 4	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Ману. Темные времена

Ирина Миронова

© Ирина Миронова, 2025

ISBN 978-5-0067-4885-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

Сумерки лизали крыши городских домов, когда к первым этажам лишь подступала ночная мгла, поглощая острые тени от силуэтов людей, машин и домов. Город запестрел ночными красками фонарей и окон. Сейчас в центре Стоунвилля было по-особенному красиво, и к огонькам ночной подсветки улиц влетались лучики света, исходящие от голов его жителей. Над каждым жителем Стоунвилля с приходом тьмы зажигался собственный огонёк, схожий с пламенем свечи.

Это было настолько давней мутацией, что с возникновения свечения ауры над головами людей появилось немало легенд, и самые первые из них, несущие достоверные сведения о мутации, канули в небытие под поступью новых, более живописных.

Стоунвилль был старинным городом. Его архитектура носила следы средневекового стиля, и лишь ближе к окраинам готика каменного города смешивалась с постройками более современного периода. По старинной брусчатке и узким улочкам центра города, расположенным вдоль невысоких домов, передвигался современный транспорт. Небольшие электромобили соседствовали с байками и мотороллерами.

Множество заведений в столь поздний час уже было закрыто, уступив место другим – ночным, и город погрузился в атмосферу расслабленности и лёгкого праздничного веселья. За отдыхом люди теряли бдительность, и в основном, полиция и медики Стоунвилля их берегли, а если же нет, то небо над городом пронзала крохотная вспышка, подобная далёкой сверхновой. То покидала мир чья-то душа.

В своей массе стоунвилльцы не любили ярко освещённых мест, ведь там исходящий от их голов свет бледнел, а людям нравилось видеть ауру, поэтому освещение города размещалось в паре метров от земли и было направлено вверх, на дома, оставляя тёмной среднюю зону, освещаемую людьми, подобно живым фонарям.

В отличие от большинства жителей города, Ману нарочно держалась подсвеченных сторон улиц, ведь её целью было скрыться от чужих глаз, не привлекая к себе внимание, что было непросто с её высоким ростом и манерой одеваться. Широкая юбка-пачка зефирного цвета доходила до колен, белые гольфы обтягивали длинные ноги девушки, поверх которых были надеты светлые берцы. Завершало её вид распахнутое серое пальто с накинутым на голову капюшоном. Её стиль не выбивался из общего стиля молодых жителей Стоунвилля. Единственное, что под капюшоном лица девушки было не разглядеть, и когда она проходила тёмные зоны городских улиц, над ней не появлялся луч от светящейся ауры. Иногда – не часто – неформалы Стоунвилля скрывали свой свет, и сейчас она была очень на них похожа.

Горожан в этот час было немного, и исходящие от их макушек цветные лучи притягивали к себе куда большее внимание, чем отсутствующий луч над чьей-то головой. Люди не одобряли такое сокрытие и порой нарочно игнорировали тех, кто скрывал свой свет. Те были словно невидимки для окружающих.

На одном из перекрёстков под светофором Ману поравнялась с парочкой счастливиц. На их лицах были особые улыбки: мимолётные, синхронные и застывшие, ставшие привычным ощущением счастья. Прохожие оборачивались, чтобы посмотреть им вслед, провожая взглядом сомкнувшиеся лучи света над головами у пары. Их светящаяся аура состояла из одного основного цвета и оттенков: холодно-синего с легким переливом зелени и оранжевого на стыке этих двух свечений – это была идеально совпавшая пара, и оказаться таким счастливицом было мечтой для любого жителя Стоунвилля, искавшего себе пару по совпадению цвета ауры. Сильные и неуязвимые почти для любых невзгод, словно свечение над их головами являлось

вечным источником энергии и охранным куполом для пары. Желание обрести такое подкреплялось местным фольклором и множеством сказок. Ману знала их все.

Пройдя перекрёсток, девушка сняла капюшон. Её прямые, почти белые волосы были собраны в хвост и спрятаны под пальто. Она шла, отдаваясь от центральных улиц и выглядела неестественно по меркам Стоунвилля – над её непокрытой головой не было свечения цветом. Ни один из радужных оттенков не жил в её ауре, и это с учетом того, что она была живой, могло означать лишь одно.

Ману свернула на проулок между домами, и скрывающийся в тени человек прошёл за ней. Где-то впереди послышалось трение шин о брусчатку от свернувшего с противоположной стороны проулка небольшого фургона. Ослепляя фарами, он ехал навстречу девушке, затем остановился, и из него вышли двое мужчин, и они тут же бросились к Ману.

Схватили девушку, чтобы затащить в машину. Вдруг одна из непримечательных теней ожила. Шедший незаметно за девушкой быстро сократил разделявшее их расстояние и чётко поставленными ударами отбил девушку у похитителей. Один из них не терял надежды захватить её, отбив внезапное нападение, но он тут же вскрикивает, когда в руке Ману появляется электрошокер. Она отнюдь не проста. Нападавшие возвращаются в машину и скрываются за поворотом.

Обхватив себя руками, Ману идёт из проулка к перекрёстку, а за ней следует её молчаливый и выдавший себя преследователь. На излучине тьмы ночного города и света от фонаря над головой девушки появляется темнеющее пятно. Оно становится гуще, поглощая в себя остатки чужого цвета, а затем становится снова невидимым. Чёрным в тьме ночи.

Освещения достаточно, чтобы разглядеть лица обоих людей. Перед высокой девушкой остановился молодой мужчина.

– Вы специально ходите здесь и ищете неприятности?! – возмутился он, обращаясь к девушке.

– Тебе не стоило следить за мной, Клиффорд. – Ответила Ману, сразу перейдя на «ты» и, глядя ему в глаза, внезапно улыбнулась.

Застёгнутая на ремешок под подбородком шапочка-каска, служившая для того, чтобы скрыть свет над головой, в этот момент выглядела на мужчине комично, и Ману не могла скрыть своей реакции.

– Что, простите... Откуда вы знаете моё имя? – возмутился тот, кого она назвала Клиффордом. Мужчина прищурился, а затем хлопнул себя по затылку, узнав её.

– Мануэла, какого чёрта ты ходишь по ночам одна в таком районе?! – вспыхнул Клиффорд Берген, глядя на школьную подругу своего покойного младшего брата.

– А что не так с районом? Он хорош, – усмехнулась Ману, разводя в стороны руки. – Другое дело, я здесь одна, потому что на такие прогулки раньше мы выбирались с твоим братом, пока его не похитили и не убили. Но всем плевать на это, даже его брату-полицейскому!

Клиффорд поморщился от произнесенных ею слов. Они не вязались с кукольным обликом девушки, хотя именно сейчас он увидел ее настоящую и понял, что кое-что общее в дружбе между ней и своим покойным братом он не замечал. Тот тоже был резок и импульсивен.

– Мне не всё равно, – мужчина поджал губы, в свете фонаря черты его лица заострились, и под глазами углубились тени.

Расстегнув пуговицу на подбородке, он снял шапку и взъерошил свои взмокшие волосы. Луч ауры над его головой окрасился в мутно-рыжий цвет, и в ответ ему над головой Ману на секунды появился блик такого же рыжего цвета, а затем он пропал, будучи поглощённым её аурой.

Мануэла была тёмной. Такие, как она, считались универсальными партнёрами для обладателей любых других цветов ауры, и про это знали все. С тёмными можно было создать идеальную пару, достигнув физиологической и психической гармоничности, и в этой гармонии

жить очень долго и не стареть. Тёмные были крайне желанны. Погибший брат Клиффорда – Джерри – тоже был тёмным, и когда в ходе расследования возникла версия, что именно цвет ауры привёл его к гибели, Клиффорда Бергена отстранили от расследования.

– У меня связаны руки, но я взял отпуск и провожу собственное расследование. Мой связной навел меня на готовящуюся сегодня засаду. Во что ты ввязалась, Мануэла? Эти парни следили за тобой, чтобы похитить!

– Я знаю, – коротко ответила девушка и развернувшись, пошла прочь.

Ругнувшись сквозь зубы, Клиффорд прибавил шаг, чтобы нагнать её. В паре кварталов от них стоял его автомобиль, и полицейский настоял, чтобы Ману позволила ему отвезти себя домой. Девушка пожалала плечами и, свернув, пошла в сторону парковки.

– Скажи мне, что ты затеяла? – произнёс детектив после того, как взвёл мотор своего седана. На улице похолодало, и он включил отопление в салоне.

– Хочу найти тех, кто сделал это с Джерри.

Ману смотрела в окно и не видела, как изменился в лице Клиффорд. Уж он-то знал, что сделали с Джерри. Тело его младшего брата обнаружили случайно, когда брали нелегальную лабораторию на окраине соседнего города – Амотивилля. На подпольный медицинский центр спецслужбы нагрянули внезапно, и, действуя по инструкциям, преступники стали уничтожать следы своей деятельности. Сорванная операция по трансплантации привела к смерти носителя. Весь ужас был в том, что операция проводилась над живым ещё Джерри. Те фотографии брата из полицейского дела вновь встали перед глазами Клиффорда: застывший взгляд, с кислородной маской на лице, увитый питательными проводами, Джерри лежал на кушетке с открытой грудной клеткой и животом, в которых уже не было органов. Не было их и в лаборатории.

– Хочешь повторить его судьбу? – севшим голосом произнес Берген.

– Нет, – ответила Ману. Закрытый гроб и отчет о смерти для родных – это всё, что она видела из заключения о смерти своего друга. – Я хочу найти и наказать тех, кто позарился на тёмных и убил Джерри.

Словно пытаясь стряхнуть усталость и понимая тщетность спора, детектив Клиффорд Берген провел ладонью по своему лицу. Ману была совершеннолетней, и рычагов воздействия на нее, кроме предупреждающих советов, у него не было.

– И какой у тебя план?

– Хочешь снова мне его сорвать? – светлая бровь девушки изогнулась.

– Хочу уберечь тебя от гибели, и мне нужны все средства для расследования. Что ты знаешь, чего не знаю я?

– Я знаю, что он был хорошим парнем и не заслужил такой смерти.

– Так какой план?

– Я хочу встретиться с их главарём.

– И для этого ты чуть не дала себя похитить? – Клиффорд взглянул на свою пассажирку. Ману смотрела перед собой и, казалось, никак не реагировала на его возмущение. – Ты же понимаешь, что встречи с главным не будет? Понимаешь, что ты даже не очнёшься перед смертью?

– Ты кое-чего не знаешь, – замедленно произнесла девушка и повернулась к мужчине.

– Тёмные являются универсальными донорами для всех других людей, только когда сами согласны на это, иначе мы просто тёмные. Чёрный цвет ауры – это всего лишь цвет.

Девушка наблюдала за реакцией мужчины. Тот сдерживался в ожидании окончания известной всем предыстории, но напряжение последних недель сказалось на Бергене, и он не сдержался:

– Хочешь сказать, что мой брат дал согласие на своё растерзание?!

– На донорство.

– Чушь собачья, это незаконно, – зашипел Клиффорд.

– Он дал согласие на донорство органов после своей смерти и донорство при жизни, – добавила Ману, нахмурившись. Ей не нравилось, что Клиффорд её передёргивал в разговоре.

– Мне нужно видеть это согласие!

– Да, поищи его.

– Нет, это не весь твой план, – покачал своей кудреватой головой детектив, останавливаясь на улице напротив дома Ману. – Это не может быть планом.

– Ты сорвал мой план, – взглянула на него девушка, на повороте между скалистым уступом и улицей.

Стоунвилль располагался на скалистых холмах. Передвигаясь по брусчатке, машина так потряхивалась на дороге, что Ману случайно клацнула зубами.

– У тебя нет подготовки для такой роли. Это очень опасно, и те парни могут быть кем угодно. Ты можешь ничего этим не добиться и погибнуть зря.

– Я знаю. Но ведь сейчас у меня есть ты, не так ли? – будто подразнила его Ману.

– Это безумие!

– Другого тёмного тебе не скоро найти. Прикрой меня, и мы выйдем на них.

– Мне нужно подумать.

Поняв, что на этом всё, Ману накинула на голову капюшон и, открыв дверцу, вышла из машины. Её капюшон, как и та шапочка, что надевал Клиффорд, помогли им скрывать цвет ауры, не привлекая к себе внимание и лишней раз не иницируя случайные связи.

Совпасть по цвету было сложно – цвета должны были принять малейшие оттенки друг друга. И иногда это случалось даже раньше, чем контакт глаз или само знакомство, что невольно способствовало сближению и порой разрыву сложившихся отношений, на что были готовы идти не все. Тёмные же привлекали и отталкивали своей способностью подходить всем. Каждый мог совпасть с ними буквально на ходу – было достаточно одного взгляда, и тогда ауры людей срослись бы очень быстро. Куда быстрее чем обычные цветные. Противостоять этому воздействию чёрных могли лишь полностью совпавшие цветные, те самые счастливики, ни на кого другого не реагирующие.

Вот и сейчас в рыжевато-жёлтом огоньке, что светился над головой отъезжавшего детектива Бергена, появились неприсущие ему чёрные очертания. Они игрались с ним, как с дрожащим пламенем свечи, возвращая мысли мужчины к Ману. Они захватили его полностью, и лишь спустя минуту ускоренного сердцебиения и ощущения фантомного присутствия этой девушки Клиффорда стало отпускать, щемя болью в его сердце и отчаянным желанием вернуться к дому Ману. И причина была совсем не в его желании защитить её от авантюры. То была тоска его души от ощущения непрожитой жизни со светловолосой девушкой. Он испытывал боль от стираемых фантомных воспоминаний о жизни, где он был счастлив, растя их детей и нянча их внуков.

Притяжение любого цвета к тьме было отчаянно сильным, и для этого оказывалось достаточно короткого общения с носителем тёмной ауры, если человек был одинок и желал избавиться от своего одиночества. В быту Стоунвилля на слуху были способы избавления от случайного запечатления с тёмными. Притяжение к ним было сродни магии или проклятию и обросло красочными легендами.

В темноте, войдя в каменный дом, девушка поспешила в свою комнату, чтобы не привлечь внимание отца. Оставалось совсем немного времени до начала дня в университете Стоунвилля, где она работала, и Ману сейчас тянуло спать.

Глава 2

Кабинет главного врача клиники для состоятельных жителей Стоунвилля мало походил на кабинет обычного врача. Украшавшие стены и арки колонны, ведущие на террасу, были выполнены по эскизам южных сюжетов, а мозаичный пол приёмной был выложен так искусно, что наводил на мысли о превосходной копии из дворца какого-то правителя. Пёстрые картины несколько выбивались из строгого готического дизайна здания, хоть и были умело вписаны в его интерьер.

В этот утренний час доктор Джонатан Остин принимал своего необычного пациента. Болезнь иссушила его и загнала в инвалидное кресло в считанные месяцы, но сидевший напротив врача мужчина всё ещё неплохо держался. В нём было видно достоинство, привитое хорошим воспитанием, генами и благополучием. Поначалу доктора это немного раздражало, но, привыкнув к своему пациенту, он невольно проникся симпатией и с тенью неподдельно выверенной услужливости в голосе произнёс:

– Стабилизация вашего состояния временная и, к сожалению, короткая. Если мы не сделаем пересадку в течение недели, то последствия будут необратимы. Я обновил заявку на донора, но если он найдется позднее чем через неделю, будет уже поздно. Процесс не обернуть вспять.

Доктор посмотрел на пациента, тут же встречаясь с твёрдым взглядом мужчины, решительно принимающего новую для себя реальность. Доктору на какой-то момент стало некомфортно: он вспомнил, насколько влиятельный человек сидит перед ним и кому именно он и эта клиника многим обязаны. Эмерик Де Вромм передал на нужды клиники целое состояние, когда приблизился к порогу возраста проявления генетического заболевания в своей семье.

– Я признателен вам за откровенность и надеюсь, что могу рассчитывать на конфиденциальность нашего разговора. Я не уповаю на везение и хочу использовать имеющееся у меня время продуктивно.

– Конечно, сэр, уверяю вас в этом, – произнес врач и, уловив во всё ещё хранившем красоту мужественном лице своего пациента отстранённость, добавил: – Позвольте провести вас до вашей палаты.

Погружённый в свои мысли, Эмерик не возражал, когда доктор выкатил его из кабинета. У дверей его подждал личный помощник, поспешивший перехватить у Остина управление коляской, но, словно очнувшись, Эмерик перешёл на ручное управление и сам направил её к лифту, забыв попрощаться с доктором и не оставив инструкций своему помощнику.

И пока представитель одного из древних семейств Стоунвилля обдумывал завещание, его лечащий врач вернулся в свой кабинет и сделал вызов на сохранённый у него без имени номер телефона.

– Я думаю, Де Вромм готов и пойдёт на что угодно ради пересадки.

Принявший этот вызов человек поспешил сообщить о нём своему начальнику, на что Артур Дюкро распорядился найти исполнителей. Его рабочий день подошёл к концу, и на выходе из здания совета городского правления Артур прошёл на закрытую стоянку и велел водителю ехать в особняк Де Вромма, где спустя полчаса у него состоялся спор с владельцем дома.

– Эмерик, послушай меня. Ты должен пойти на это, других возможностей просто нет, как и у тебя нет времени ждать их! – требовал Артур.

Он уже выходил из себя, и даже изысканный коньяк и сигара, которыми он без стеснения угощался в доме Де Вромма, не гасили его вспыльчивость. Артур и Эмерик были погодками, дружили со школьной скамьи, закончили одно учебное заведение, и им повезло в этом, ведь принадлежность ко двум старейшим семействам в городе и необходимость делить сферы вли-

яния очень часто сталкивала как их самих, так и их предков, но, в отличие от них, этим мужчинам удавалось уладить миром конфликты в неизбежном отстаивании интересов.

– Ты уговариваешь меня пойти на преступление, – произнес Эмерик.

Хозяин дома был настигнут гостем в своём рабочем кабинете. Тот уже был местами переоборудован под ограниченные возможности Де Вромма, который хоть и тепло встретил Артура, но уже начал уставать от их встречи, в отличие от его бодрого и энергичного друга. Им обоим в прошлом году исполнилось тридцать пять.

– Верно, я пока что уговариваю тебя, – согласился с ним гость и, подойдя к сидевшему в инвалидном кресле Эмерику, наклонился и сжал его плечо. – И если ты дальше будешь настаивать на верховенстве закона над твоей жизнью, то я пойду на вынужденные меры по твоему спасению. На днях у тебя будет донор.

Внешность Артура часто не вязалась с его характером. Его решительность и упорство соседствовали с мягкими чертами довольного жизнью тусовщика, и даже взгляд не обладал той цепкостью и жёсткостью, что была у Де Вромма, и тем не менее Эмерик не обманывался на счёт друга.

Он знал, что тот не бросает слов на ветер, но, кроме усталости, ничего не чувствовал. Взгляд Артура поверх его головы подсказал, что друг заметил состояние Эмерика, чей цвет ауры стал прерывистым и бледным. Мерцал, как затухающий фитиль.

– Отличный был коньяк, спасибо, дружище. И не волнуйся, я обо всём позабочусь.

Вернув на стол стакан и не прощаясь с сигарой, Артур вышел из кабинета. В слабо освещённом коридоре у него над головой вспыхнул огонёк льдисто-холодного цвета с вкраплением зелёных искр, на секунду подсветив витражное окно у двери, когда советник мэра Стоунвиля выходил из особняка.

Дождавшись, когда посетитель удалится, в кабинет тут же направились личный помощник Эмерика в сопровождении медицинской работницы. Сиделка осталась в стороне, а секретарь подошёл к Де Вромму в ожидании распоряжений.

– Ганс, тебе удалось связаться с моей сестрой? – спросил Эмерик.

– Я отправил ей ещё одно сообщение сегодня, но она по-прежнему не выходит на связь.

– Понятно. Пригласи, пожалуйста, на ближайшие дни нотариуса.

– Да, сэр, – ответил помощник.

Тем временем сиделка подступила к Эмерику и снимала с него показатели температуры тела и давления. Сейчас этот мужчина выглядел сравнительно хуже, чем когда её наняли для ухода за ним, и она нередко не справлялась с ним одна. Для таких случаев Ганс нанял медбрата. Свечение над головой Де Вромма с каждым днём становилось всё меньше. Некогда переливчатый луч из красного цвета с примесью жёлтого, белого и даже синего цвета укорачивался и становился бледнее. У стариков в Стоунвиле и то аура была ярче. Не оставалось сомнений, что мужчина угасал под натиском болезни и сейчас, не считая слуг, он жил один в своём роскошном фамильном особняке. Из близких родственников у него осталась только младшая сестра, и она не горела желанием встречаться с Эмериком ни при каких обстоятельствах. Когда-то они сильно повздорили, и обида её была сильнее желания примириться с умирающим родичем, а Де Вромму, кроме неё, некого было включать в завещание о наследниках.

Глава 3

Учебный день закончился, но некоторые студенты задерживались на кафедрах и в зале лаборатории, где Ману работала лаборантом. Девушка следила за порядком, ставила опыты и писала докторскую работу. Вечерами она нередко задерживалась, дожидаясь окончания практики у студентов. Сегодня ей тоже пришлось задержаться и выйти из учебного корпуса биологической кафедры, только когда начало темнеть. По обыкновению накинув на голову капюшон пальто, она взяла с парковки велосипед и, поставив рюкзак в корзину перед собой, поехала по привычному маршруту.

Старинные дома сменялись более современными, но невысокими и выполненными в том же стиле; затем, на более широких и многолюдных улицах, возникли современные дома. Инфраструктура современных районов города подразумевала хорошее освещение и оснащение улиц.

Ману ехала по велодорожке к мосту через реку, когда на повороте её подрезал автомобиль, и девушка упала с велосипеда. Выбежавший из машины парень склонился над ней и, придерживая за руку, помог подняться на ноги. На его симпатичном лице было заметно беспокойство, а аура над головой ярко светилась зефирно-розовым.

Вдруг к лицу девушки внезапно была прижата салфетка. Пара вдохов – и перед глазами померкло. Похититель проворно уложил её на заднее сидение автомобиля и, закрыв дверцу, откатил велосипед с тротуара на газон. Действуя быстро, он вернулся к похищенной и, перематывая ей руки и ноги, залепил рот клейкой лентой.

Действовал похититель проворно и аккуратно. Он быстро задал маршрут поездки и повернул зеркало к своей пассажирке. На мгновение в зеркале отразились его красивые зелёные глаза и прядь рыжих волос, упавшая на лоб. Но девушка этого не видела. Капюшон слетел с её головы. Блики света из окон тонули в чёрном луче её ауры, падая будто в космическую чёрную дыру.

Водитель поглядывал на неё через зеркало заднего вида, аккуратно ведя машину, чтобы не привлечь к себе ненужного внимания. Он натянул на голову капюшон, почувствовав, что ещё секунда – и его аура потянется к девушке на заднем сиденье. Это ощущение было подобно колыhaniю ветра в волосах, но более настойчивое. Для себя он такого не хотел.

О людях с тёмной аурой ходили разные слухи. Быть запечатлённым их аурой означало стать одержимым желанием сблизиться с ними, подобно безответно влюблённому гореть страстью и надеяться на взаимность. Были легенды и о ненависти отвергнутых, ведь, являясь идеальной парой для кого-то, тёмные могли являться таковыми и для других, независимо от имеющейся связи. Люди ненавидели их и боялись, а кто-то просто не любил тёмных из-за их универсальности.

Небольшой седан без проблем подъехал к нужному адресу. Дом оказался богатым старинным особняком. Водитель объехал парадный въезд, чтобы остановиться у заднего входа. Заглушив машину, он подошёл к пассажирской двери, вернул плотный капюшон на голову девушки, затем подхватил её на руки и понёс в дом. Ману в это время пребывала без сознания. Положив её на кровать в одной из комнат, расположенных на первом этаже, мужчина быстро покинул территорию особняка. Уже будучи за рулем и двигаясь по дороге он сообщил об исполнении заказа. Спустя несколько минут сигнал сообщения на его телефоне подтвердил перевод оговоренной суммы денег.

Тем временем Ману крепко спала. Лишь спустя несколько часов сознание начало возвращаться к ней. Не открывая глаз, девушка прислушивалась к доносящимся до неё звукам. Трение птиц слышалось из приоткрытого окна где-то сбоку от неё, оттуда же, вместе с утренней прохладой, доносился тонкий аромат цветущего жасмина. Птицы неприлично радова-

лись наступлению нового дня, тогда как лежавшую на койке девушку обдало волной ледящего ужаса от воспоминаний о произошедшем с ней. Она прислушивалась к ощущениям тела и пыталась быстрее очнуться. Боли нигде не чувствовалось, и верёвки на себе она не ощущала. В комнате было тихо и безлюдно.

Совсем тихо. С усилием Ману распахнула глаза и села на койке. Тяжесть в голове была напоминанием о её похищении. Она осмотрелась, трогая голову. Синяков и ссадин не было. Голова чуть закружилась, но в целом всё было хорошо. На кровати она лежала в футболке и в брюках. Ману успокоилась и начала слегка неуклюже одеваться. Её пальто висело на спинке стоявшего в стороне стула. На полу, сбоку от него, стоял рюкзак и туфли. Всё на месте. Глянув на часы, она поняла, что провела здесь весь вечер и ночь.

Одевшись и накинув на плечо рюкзак, девушка направилась к выходу из комнаты и тут внезапно обернулась. Комната было неплохо обставлена и не походила на больничную. Простая, но в ней было бы комфортно жить. Вокруг неё по-прежнему стояла тишина, людей не было слышно, только птицы верещали снаружи. Всё это не сходилось с тем, что она ожидала от своих похитителей.

Не запертая дверь комнаты мягко открылась, открывая проход в пустой коридор. И снова никого. Ману двинулась на свет. Просторный коридор оканчивался большим светлым залом. От него вверх вела хорошо обставленная мраморная лестница, а справа от Ману находилась большая дверь парадного входа. Она поняла, что находится в богатом особняке.

Девушка ступила в центр зала, откуда обозревались верхние этажи большого дома. Она с трудом поборола в себе возникшее желание бежать из этого места – любопытство и необходимость выяснить произошедшее подталкивали её на новые поиски.

– Эй! Здесь есть кто-нибудь? – услышала Ману свой голос, запоздало подумав, что, возможно, делает самую большую ошибку в своей жизни, обнаруживая себя и не сбежав, когда у неё была возможность.

Ей показалось, что она услышала какой-то шум на верхних этажах, и, минув лифт, девушка направилась по лестнице на второй этаж. Там дом отчётливо делился на левое и правое крыло. Стены, в традициях классического интерьера, были украшены фресками и картинами. В центральной части дома располагались портреты основателей, и, как было принято в живописи, на портретах людей художники обязательно отмечали лучи их ауры. Лица были разными, и в какой-то момент портретная галерея завершилась изображением мужчины – главы рода. Ману отвела взгляд в поисках даты и имени, а затем снова посмотрела на картину. Изображённый на ней мужчина был настолько красив, что возникла мысль об украшательстве портрета художником. Ману пожалала плечами, и внезапно заметила женщину. Та вышла из комнаты в коридор, катя перед собой тележку с едой, прикрытой салфеткой и крышками.

– Постойте! Скажите, где я? Что это за место? Кто хозяин дома? – у Ману было много вопросов, а женщина не спешила на них отвечать.

Девушку с каждой секундой начинал пронизывать страх и нереальность происходящего с ней.

– Хозяин отдыхает на террасе, – ответила женщина и, ничего больше не говоря, словно присутствие Ману в этот час в доме было обычным явлением, направилась, куда шла до того, как встретила незнакомку.

Крыло дома, по которому сейчас шла Ману, оканчивалось живописной террасой. По её краям росли невысокие деревья и цветущие кусты, аромат которых заполнил коридор дома ещё до выхода в сад. Под распахнутым навесом стоял сервированный и накрытый стол, напоминая Ману, что она не ела со вчерашнего дня, а за столом, спиной к ней и лицом, обращённым на расположенный в низине Стоунвилль, сидел человек.

Ману заметила, что сидел он в необычном кресле. Обойдя его, Ману увидела, что мужчина спал. А ещё он очень сильно напоминал человека, с которого могли написать последний из увиденных в коридоре портретов. Вероятно, когда-то давно.

– Эй, сэр... Проснитесь, – она обошла столик и встала напротив мужчины.

Тот открыл глаза, и спустя несколько секунд взгляд мужчины стал осмысленным, и он посмотрел в лицо Ману.

– Доброе утро. Присядьте, – предложил он гостье. – Позавтракаете со мной?

Отодвинув стул, Ману села. Сейчас её бросало от злости и желания бежать отсюда к сочувствию и грусти за сидевшего напротив неё красивого и явно больного на вид мужчину.

Всё это было неправильно. Для неё. И она точно в таком состоянии не сможет есть. Ей нужны ответы.

– Нет, спасибо. Зачем я здесь?

Несмотря на навес, солнечного света вокруг оказалось так много, что ауру незнакомца было не разглядеть.

– Вероятно, произошла какая-то ошибка. вас не должно было быть в моем доме. Я распоряжусь, чтобы мой водитель отвёз вас в город.

– То есть на моём месте должен был быть кто-то другой? – вспыхнула Ману.

– Нет. Никто не должен был быть здесь.

– Это вы заказали моё похищение?

– Нет. Я законопослушный гражданин, и в чём бы вы ни были замешаны, я не имею к этому отношения.

– Тогда как я здесь оказалась?! – не унималась Ману и, поняв, что она перешла на крик в разговоре с незнакомцем, который говорил скорее тихо, девушка добавила: – Извините. Мне важно это знать.

– Понимаю вас. Я подозреваю чей-то розыгрыш или, что ещё хуже, мошенничество. Вы красивая девушка, тёмная, а мне, как видите, немного осталось. Непростая многоходовка, но если вы в этом намеренно не участвовали, то вам нечего опасаться, – ответил Эмерик Де Вромм, а хозяином дома являлся именно он, и мягко улыбнувшись, пожал плечами.

Когда прислуга доложила ему о незнакомой гостье, неизвестно как появившейся в доме, Ганс лично проверил камеры, а затем и личность самой гостьи. Всё это вызывало у Де Вромма вопросы и подталкивало лишь к одному выводу: кто-то намеренно пытался его свести с темной, чтобы поскорее заключить с ней брачный контракт и сделать единственной своей наследницей.

– Вы обвиняете меня в мошенничестве?! – вспыхнула Ману.

– Мне не хочется этого делать, но я не исключаю этого, – ответил Эмерик.

– Да как вы смеете?! – возмутилась Ману уже в который раз при разговоре с этим мужчиной. – Сперва похищают, потом оскорбляют! Я немедленно покидаю этот дом!

– Мой водитель поможет вам добраться до города, – произнёс Эмерик, бросая на неё усталый взгляд. Беседа уже физически утомила его.

Подхватив рюкзак, девушка направилась к выходу, а Эмерик взял рацию, чтобы связаться со своим водителем и поручить ему отвезти гостью в город.

Ману быстро вышла из особняка, замечая на себе внимание дежуривших у входа охранников. Пока она шла к воротам, за ней медленно ехал автомобиль. Она узнала отдалённый вид города, который видела со второго этажа особняка, и, тихо ругнувшись от того, как далеко оказалась вывезена, села в предоставленный ей автомобиль. Назвала водителю остановку недалеко от университета, решив сразу ехать на работу.

Глава 4

Сон казался очень реальным, и Ману жила в нём, не сопротивляясь течению охвативших её притягательных видений. Изменчивый взгляд из сине-серых глаз незнакомца смотрел на девушку, отдавая ощутимым теплом, от которого скользили мурашки и жаром охватывало всё тело. Незнакомец ощущался своим, родным и близким. Тепло и беззаботность сменялись чувственным волнением и желанием ещё большей близости с ним. Он звал её по имени и не отпускал из объятий, но Ману сама зачем-то рвалась из них, хваталась за его руки, чувствуя, что невидимый глазу поток несёт её куда-то в сторону, вдаль от него.

Мужчина просил её вернуться, готовый снова поймать в свои объятия. Он манил её к себе своим голосом, теплом взгляда и прикосновений, всем собой, но Ману настойчиво ускользала от него.

Она не хотела удаляться.

Нет!

Но безмолвный поток уносил её дальше, прочь от незнакомца, который по мере её удаления от него становился всё желаннее и притягательнее для Ману.

И тут он стал исчезать.

– Нет! – Ману проснулась от своего крика.

Сон отдавал по телу жутким ознобом. Она взмокла, и её морозило, а горло сдавливало ощущение глубокой потери. Чувство было новым для Ману и неожиданно глубоким. Мысленно она вернулась к событиям прошлого дня. Она не была наивной и понимала, что ей повезло выбраться на свободу по неясным ей причинам. Чувствовала, что тот владелец особняка, чьё имя она удосужилась спросить лишь у водителя, довозившего её до города, был не причастен к похищению. И вот теперь ей снился этот мужчина, здоровый и настоящий, на какие-то мгновения во сне ставший самым близким в жизни человеком. А ведь то, что она испытывала во сне, испытывают наяву люди, столкнувшиеся с тёмными, когда те разрывают контакт их ауры.

Сон покинул её, но Ману прикрыла глаза, пытаясь вспомнить цвет ауры Де Вромма, но она не разглядела её при свете дня, а на его портрете художественный ход с пейзажем на заднем фоне скрывал от любопытных глаз ауру изображённого.

Ману стало жутко. Она вспомнила поверья, гласящие о том, что невидимая у людей аура оказывалась проклятием или предвестником смерти. Ману решила воспользоваться доступом к общей сети интернет, где об Эмерике Де Вромме было совсем немного информации, но на всех снимках он передвигался на своих ногах. Про его недуг или травму ничего не писалось, разве что совсем недавно одна из клиник города в паре строк выразила ему признательность за щедрый вклад в её развитие. Буквально в этом году, а значит, сделала вывод Ману, его болезнь развилась очень быстро.

Она ещё раз внимательно просмотрела найденную в сети информацию о Де Вромме и закрыла ноутбук. Слишком красивый, богатый и далёкий от неё, как тот сон, чтобы быть достаточно реальным.

Будильник должен был сработать через несколько часов, но сон не шёл. На мобильном телефоне было несколько непрочитанных сообщений от детектива Бергена, но Ману решила ответить на них позже. Девушка предупредила своего куратора в университете, что на сегодня она берёт больничный и на работу приехать не сможет.

Стараясь ходить бесшумно, она приняла душ и приготовила завтрак себе и отцу. Иногда память всё ещё подбрасывала ей обрывки сна с участием Де Вромма, но увиденное во сне

уже не впечатляло своей реалистичностью, хотя до сих пор саднило ощущением потери. Ману ощущала томление и отголоски боли, признавая несбыточность своих ночных фантазий.

Остроту чувствам придавала аура. Обычно Ману лишь поглощала чужие, распознавая их и испытывая лишь отголоски, теперь же она поняла, что её потянуло к другому. Как некогда это бывало с ней, когда она ещё не умела справляться с чужим притяжением. Это могло сулить ей проблемы, ведь её тянуло к возможному подозреваемому в её собственном похищении и к заказчику на донорство Джерри. Но оставалось неясно, отчего Де Вромм её отпустил.

Отвлекаясь от своих мыслей, Ману поприветствовала вошедшего на кухню отца и положила в тарелку для него завтрак. Луч его ауры был сиренево-синеватым с жёлтыми искрами. Когда Ману была ребёнком, она любила, сидя у него на плечах, держать руки у него над головой. Её пальчики окрашивались в разные цвета, и на стене можно было увидеть цветные тени. У её отца был яркий, выразительный след, и, будучи ребёнком, Ману надеялась, что и её луч однажды станет таким же, как у отца, но отпечаток души был у каждого своим.

– У тебя сбился график? – спросил Отум Кристенсон, наливая себе кофе.

– Да, пришлось задержаться и поздно лечь спать.

– У тебя всё в порядке?

– Всё хорошо, пап.

– Сделать для тебя кофе?

– Нет, вари себе, я уже позавтракала.

– Ты сегодня рано встала, – отец внимательно взглянул на неё.

– Не спится. Я пойду. Хорошего дня, папа, – Ману поцеловала его в щёку и пошла в комнату.

Мобильный снова дал о себе знать ещё одним принятым сообщением, на сей раз вызвавшим у Ману интерес. Девушка состояла в закрытой группе, созданной людьми с тёмной аурой для тёмных из Стоунвилля и предместий. Люди в ней делились советами и поддержкой, а теперь ещё и высказывали Ману соболезнования из-за гибели Джерри, который тоже был её участником и знаком со всеми. Полученное оповещение призывало всех быть осторожными и сообщало о намечающемся сетевом слете участников группы. Ману ответила согласием. Погибший приятель любил эту группу, иногда модерировал её и рассказывал Ману про её участников. Так она и примкнула к этой компании, не встречаясь ни с кем из них в жизни.

Пока девушка обдумывала свою идею на счёт сегодняшнего дня, она ставила пункты в очередном опроснике группы. Тёмные собирали друг о друге информацию: о кулинарных предпочтениях, выборе книг и фильмов, любимом досуге и образе жизни – всё это было любопытно. Ману слышала, как дверь в гараже закрылась, а за окнами мягко пробухтел мотор байка, означая, что отец уехал из дома на работу. Возле причала в центральной части города у него был магазин из катеров и яхт. Люди с оттенками синего в ауре всегда отличались склонностью к торговле и бизнесу, и это не обошло Отума Кристенсона, её отца.

Завершив опрос в группе, Ману ответила на письма по работе в своем электронном ящике и отключила ноутбук. Утро уже не было ранним, и девушка засобиралась по намеченному ею плану. Из зеркала на неё глянула высокая, худая девица, несколько андрогинная в своей угловатости, даже несмотря на длинные светлые волосы. Взгляд Ману упал на яркую юбку-пачку, в которой она ещё совсем недавно гуляла поздним вечером в центре города, но её сегодняшний выбор пал на практичные трикотажные брюки, майку и куртку с неизменным капюшоном.

Накинув на плечо рюкзак, девушка вышла из дома, чтобы спустя сорок минут оказаться за городом у ворот уже знакомого ей особняка. Ей пришлось подождать, пока охранник откроет ей широкую калитку. Наверняка спрашивал разрешения у хозяина. Ну что ж, тем лучше, значит, Эмерик Де Вромм был предупреждён о её приходе. Незнакомая ей молчаливая горничная проводила девушку в его кабинет.

– Я хочу помочь вам, – решительно произнесла Ману, как только подошла к сидевшему за широким столом в своём кресле Де Вромму и сняла с головы капюшон.

– Мне?

– Да, вам.

– И как же? – уточнил Эмерик.

На его красивом, но осунувшемся лице отчётливо стал заметен скепсис, и Ману поняла, что он старается быть вежливым с ней, сдерживаясь в иронии над своей гостьей, но это не убавило у неё решимости.

– Своим донорством.

– А оно мне нужно?

– Давайте начистоту, – Ману подошла ближе к Де Вромму. – Мы оба знаем, что вам это нужно. Именно донорство с тёмным даст приживаемость полученного материала на сто процентов.

– Вы полагаете, что это возможно?

– Я думаю, что дело не только в донорстве. Так ведь?

– А вам-то зачем это нужно? Кто вы вообще такая?

– Моё имя Ману Кристенсон, младший научный работник Стоунвилльского университета. И у меня нет к вам каких-то корыстных целей, несмотря на обстоятельства нашего знакомства.

– И вы просто хотите спасти мне жизнь? – улыбнулся Эмерик и сложил на коленях сомкнутые руки. Длинные, ровные пальцы выглядели немного костлявыми, а сам мужчина – заметно худым.

Ману невольно задержала на них взгляд, а затем посмотрела ему в глаза.

– Да, если позволите.

– Вы не знаете, что со мной. Вы вообще не знаете меня.

– У вас то, что не лечится, возможно, онкология, – ответила девушка, в своих выводах тыкая пальцем в небо. – А мои клетки могут спасти вас. Не понимаю, какое вам дело до того, кто я есть, чем занимаюсь, что я о вас знаю и в какой якобы афере против вас участвую, если я могу спасти вам жизнь?

Мужчина задумался, глядя на Ману и сквозь неё. Ему не нравилось её присутствие, наглость и столь резкие выпады. Он сложил на груди руки, а потом потёр пальцами губы и подбородок. Сейчас он выглядел старше своего возраста, и Ману видела, что он стал в целом выглядеть хуже, чем день назад. Болезнь очень быстро сжимала его в своих тисках, грозя иссушить полностью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.